

и предтеча Бальмонта По заслужил мандельштамовские упреки за свои "грубые мечты". Ср. по контрасту в заметке Бальмонта "Гений открытия": "В "падении дома Эпюр" он для будущих времен нарисовал душевное распадение личности, гибнувшей из-за своей **утонченности**"⁵

Пройдет три-четыре года, поутихнут групповые споры, и Мандельштам вновь напишет стихотворение, в котором будут упоминаться персонажи произведений Эдгара По ("Я научился вам, блаженные слова"). Но полемического подтекста в этом стихотворении уже не будет.

1 *Мандельштам О.Э.* Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1990. С. 146. Далее тексты Мандельштама цитируются по этому изданию. Страницы указываются в скобках.

2 *По Эдгар Аллан.* Падение дома Эшеров // По Эдгар Аллан. Новеллы. Минск, 1980. С. 78-79. Здесь и далее новелла Э. По цитируется по современному Мандельштаму переводу М.А. Энгельгардта. Страницы указываются в скобках. Из всех переводчиков новеллы только Эшельгардт перевел фамилию "Usher" как "Эшер". Ср. в приводимом ниже стихотворении Мандельштама "Мы напряженного молчанья не выносим".

³ Цит. по : *Мандельштам О.Э.* Камень. Л., 1990. С. 241.

4 *Блок А.А.* Собрание сочинений. Т. 5. М.-Л., 1962. С.617.

5 *Бальмонт К.* Гений открытия // Ежемесячные сочинения. 1900. № 10. С. 113.

С.Е. Бирюков (Тамбов)

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ. "СИМВОЛИЗМ ПУТИ"

Путь Бенедикта Лившица - сторонний и одинокий - неожиданно вскрывается как некий "символизм пути" 10-х- начала 30-х годов. Его первая книга стихов "Флейта Марсия" покачала, что представления автора о мифологии близки тем представлениям, которые уже сложились в символистской поэзии.

Вслед за этим - ощущение "духоты" и "тупика". Выход для всего постсимволистского времени намечался и усилении экспрессии, условно говоря, в названном тогда в российской ситуации экспрессионизме. Практика символизма показала, что слишком "прямое" слово, пусть и назначенное быть символом, не подходит для выявления намазываемого, запредельного.

В результате началась, с одной стороны, работа со словом как таковым; с другой - работа с "психологическим" словом, то есть с нюансами, приращениями смыслов. Весьма условно разницу путей можно обозначить именами. В первой группе окажутся Хлебников, Крученых, Маяковский, Каменский. Во второй - Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Мандельштам, Нарбут, Лившиц.

На таком фоне Б. Лившиц принимает участие в создании будетлянской (футуристической) группы "Гился", в которой собрались люди, по своим отдаленным перспективам очень полярные.

Лившиц понимал футуризм, конечно, очень по-своему. Можно сказать, что он знал, что такое "легкий футуризм" и "тяжелый". **Легкому** он отдал дань в трех-четырёх вещах. Тяжелый же, философски осложненный, футуризм,

который Б. Лифшиц обнаруживал у Хлебникова и который не мог принять, ибо шел иной дорогой, был заложен в самом поэте.

В нем рано обозначилась непреодолимая тяга к "словообороту", то есть, к такой экспрессии слова, которая, по его мнению, давала возможность пробиться к истине. В этом смысле он был не только заодно с Хлебниковым, но и заодно с Крученых. Но путь Лившица был, тем не менее, иным: он верил к регулярный стих как в богоданность, и полагал, что лишь внезапное столкновение слов в твердом каркасе стиха может вызвать ту искру, которая просветит бытие до дна.

Но как русский поэт Лившиц не может удовлетвориться тем, что ему дано, полагая, что это искусство, а подлинное лежит за пределами данности. В этом неожиданно сходятся два полюса будетлянства (Крученых и Лившиц). Тот и другой заглядывали ЗА, только смотрели в разные стороны. Один (Крученых) свои ощущения суммировал в экстатических выкриках, либо брал "Отче наш" и оставлял одни гласные, называя это "Высоты", которые вполне молитвенны, даже если не знаешь, что это "Отче наш". Другой (Лившиц) сходные ощущения чеканил стихотворным шифром. Для многих стихи последнего казались заумью - еще в большей степени, нежели "заумь" Крученых.

В целом можно говорить о пути Лившица как о символическом (характерном) пути части русской поэзии первой трети века. Начиная как младосимволист, он прошел через постсимволистские течения к неоклассике и статусу поэта-переводчика. В полном объеме его творчество открылось лишь через пятьдесят лет после гибели.

Ирена Лукишч (Загреб)

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭМИГРАНТСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДСИСТЕМ

Становление двух отдельных корпусов русской литературы - эмигрантского и советского - происходило на фоне поставангардистских литературных движений. Хотя с точки зрения идеологии и эстетики эмигрантская и советская литературы "взаимоисключаемые", они, тем не менее, демонстрируют и некоторые элементы внутренней связи, которые в этих подсистемах реализуются в различных функциях.

Речь идет об "эмигрантских" мотивах в поэзии Ахматовой, о влиянии пастернаковских поэтических экспериментов на творчество эмигрантских поэтов в Праге и Париже, о культе Гумилева и Ахматовой в белградских кружках "Литературная среда" (Игорь Гребенщиков) и "Новый Арзамас" (Нина Гриневич. Лидия Денель), о значении смерти Рильке (и Маяковского) в творческой дружбе Цветаевой и Пастернака.

Особенно интересным представляется пастернаковская "Охранная грамота", где смерти Рильке и Маяковского служат поводом для переоценки ролей представителей русского авангарда и переосмысление жанров в новом времени.